

Башкирский фольклор и изустная литература в первой половине XIX века

Г. С. Кунафин

Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

Email: kbl2000@mail.ru

В истории башкирской словесности можно выделить немало этапных моментов. Первая половина XIX в. является одним из важных этапов, когда искусство слова вступило в этап периода от средневековой идейно-эстетической и жанровой системы к системе нового типа. В статье на основе анализа многочисленных фактических материалов показывается, что этот процесс особенно сильно и ярко проявился в фольклоре и изустной литературе, что они по-прежнему представляли мощный поток в литературно-художественном процессе и характеризовались достаточным разнообразием идейно-тематических содержаний, видов и жанров.

Ключевые слова: Башкирская словесность, фольклор, изустная литература.

Народно-демократические тенденции в башкирском искусстве слова первой половины XIX века особенно сильно и ярко проявлялось в фольклоре и изустной литературе, которые по-прежнему представляли мощный поток в литературном процессе и характеризовались достаточным разнообразием видов и жанров: еще бытовали эпические поэмы, кубаиры, появившиеся в эпоху общинно-родового и феодального строя; сильное развитие получили песни, легенды и предания, стали популярными баиты, представляющие собой жанр, переходный от фольклора к письменной литературе (созданием и бытованием в устной и письменной формах они тяготеют и к фольклору, и к литературе) [1, с. 309–310; 7, с. 134; 10, с. 23; 13, с. 33–34]. Именно в них подчас более полно и глубоко, чем в письменной литературе этого периода, отразились тяжелая жизнь, думы и чаяния башкирского народа, его стремление к свободе и равенству, протест против порабощения, патриотические чувства, вызванные беззаветной преданностью Родине, постоянной заботой о ее защите. Так, в предании «Армия» через описание душевных переживаний и грустных раздумий поседевшего солдата, расставшегося не по своей воле 25 лет тому назад со своей молодой женой и не узнавшего ее и своего родного сына по возвращении с военной службы, ярко показана тяжелая участь башкирского народа, превращенного царским правительством в военнотрудовое казачье сословие. А в таких военных и походных песнях и баитах, как «Уил», «Армия», «Сырдарья», «Акмечеть», «Баит о солдате Абдельгазизе» и других выражен стихийный народный протест против самодержавия, имущих классов, против длительной и тяжелой линейной службы, изнурительных военных походов и бессмыслен-

ного кровопролития; звучат печаль и ропот солдат, вызванные не только тяготами воинской службы, но и тем огромным материальным ущербом, который был нанесен расходами на содержание войск и без того слабой экономике края [6, с. 67–68; 9, с. 24; 10, с. 24–25]. Для примера приведем небольшой отрывок из песни «Армия»:

Оренбургский тракт, укатанный и ровный.

По дороге голуби бегут.

Он не только ровный, но и медный¹

Его охрана разоряет нас [2, с. 129].

Антифеодальные мотивы особенно сильно звучат в песнях, байтах, легендах и преданиях о родной земле, кантонных начальниках и смелых батырах и бунтарях, сосланных на каторгу, заточенных в тюрьму за выступление против угнетателей или скрывающихся на Уральских горах и в лесах. В большинстве из них выражается народный протест против колониальной политики царизма, варварского разграбления башкирских земель (песни «Башкирские земли», «Разорение», байты «Урал», «Летнее кочевье», легенды и предания «Мурзагул», «Продажа земли» и др.); обличаются бесчинство и произвол, бесчеловечность и деспотизм царских колонизаторов и чиновников, местных правителей и феодалов, жестоко грабящих «страну благословенную,.. страну обилия и всех земных богатств» (С. Т. Аксаков), звучат презрение и ненависть народа к ним, к самодержавному режиму (песни «Кулуй-кантон», «Кагарман-кантон», «Абдулла-ахун», байты «Мукан-кантон», «Школьный баит», «Баит о Тевкелеве», легенды и предания «Кузнец Амин и начальник Брагин», «Сураш» и др.); воспеваются слава смелым людям, пострадавшим за народное дело, подчеркивается нерасторжимое единство народа и героя-бунтаря, героя-мятежника (песни «Буранбай», «Юрка-Юнус», «Шагибарак», «Баит о Буранбае», «Баит о Сибири», легенды и предания «Ишмурза», «Бииш-батыр», «Газибек-Насыр» и др.) [6, с. 67–68; 8, с. 131–132; 9, с. 124–125; 12, с. 77].

Все эти произведения отличаются ярко выраженным национальным колоритом. В создании и распространении среди народа таких произведений большую роль играли сэсэн-импровизаторы, сэсэн-кураисты – представители изустной поэтической культуры, своеобразно синтезирующие в своем творчестве традиции фольклора и письменной литературы. Как писал азербайджанский литературовед А. Гаджиев, фольклор и изустная литература – «это, хотя и очень близкие, непосредственно связанные, но исторически разные (следующие друг за другом) этапы развития художественного сознания народа. Устная поэзия – это уже не фольклор, но еще не «письменная» литература со всеми вытекающими отсюда особенностями. Это – первая историческая форма художественной литературы» [4, с. 34–35], которую можно найти у многих тюркоязычных народов, в том числе и у башкирского народа. Создание инди-

¹ По Оренбургскому тракту возили медную руду.

видуальными авторами поэтических произведений путем импровизации, в основе которой лежит частное наблюдение, остроумная мысль, промелькнувшая в сознании поэта, и изустное их распространение наряду с постепенно растущей письменной литературой, продолжало оставаться одной из основных форм существования башкирской художественной культуры в первой половине XIX века [6, с. 68; 9, с. 32; 10, с. 50].

Одним из наиболее ярких представителей изустной литературы второй половины XVIII – начала XIX веков был сэсэн Баик-Айдар (1710–1814), уроженец дер. Махмут Мурзаларской волости Златоустовского уезда (ныне Салаватский район Башкортостана). Он прославился как непревзойденный мастер (айдар) импровизаторского искусства, стал одним из активных вдохновителей и участником Крестьянской войны под предводительством Пугачева, свидетелем такого исторического события, как Отечественная война 1812 года.

Сохранились три импровизации этого необычайно одаренного мастера слова. Все они посвящены одной большой теме – теме личности и общества, свободы народа и независимости Родины. В них нашли отражение такие знаменательные события из жизни самого сээсна, которые являются характерными моментами и для всей эпохи. Так, в «Айтыше (поэтическом состязании) Баик-сээсна с казахским акыном Бухаром» и «Обращении Баик-сээсна к батыру Салавату» ставятся вопросы духовной свободы личности, поднимаются проблемы социально-политического характера, говорится о судьбе башкирского народа, о его борьбе за социальную справедливость. А в третьей импровизации «Повторное появление Баик-сээсна, его толкование народу о братстве» сэсэн-аксакал пламенной, полной глубокого философского смысла речью призывает своих сородичей вместе с русским народом подняться на борьбу против наполеоновских полчищ. Он напоминает людям, которых мучает вопрос, стоит ли помогать царю, совершившему неисчислимы злодеяния против них, о клятве верности, данной их предками русскому народу, а затем разъясняет им, что царь и матушка Россия – не одно и то же, что родными являются не только те, кто рожден одной матерью, но и те, кто из одного источника воду пьет, на одной земле живет и что чужими являются те, кто пришел в страну с мечом:

*Горе делившие меж собой,
Одной связанные судьбой,
Мужчина ли он, девушка ли,
Царь ли, кто-то еще другой...
Тот и будет тебе родным...
Тот – француз ли, или кто другой,
Коль он пришлый – значит чужой,
Блага не жди от него стране,*

*Значит, быть огню и войне,
Как Чингиз-хан, будет он псом.
На страну ведь напали враги,
То – не гостя, злодея шаги.
Ведь Москва бросила клич:
«Тот, кто царю присягу дал
Пусть немедля берется за меч!..»
И мое слово таково:
Тот, кто нарушит клятву свою,
Лишится опоры в стране! [3, с. 89–90].*

Этот кубаир, проникнутый горячими чувствами патриотизма, дружбы и братства с русским народом, отличающийся гуманизмом и демократизмом, ярко показывает, насколько был близок их автор к жизни народных масс и истинно болел за их судьбы.

Баик-Айдар сочинял и песни («Баик», «Ахмет-Баик», «Песня Баик-сэсэн»). Когда башкирские воины-батыры возвращались в родной край с победой над французами, сто-двухлетний сэсэн встречал их и своего сына Ахмета, исполняя на курае мелодии своих песен. И эти песни, дружно подхваченные широкими слоями народных масс, передавались из уст в уста, отшлифовывались и становились фольклорными произведениями [5, с. 152; 6, с. 22].

На рубеже XVIII–XIX веков институт импровизации переживает своеобразную эволюцию. Сээнов-кубаиристов, прославившихся созданием и рассказом эпических произведений, начинают постепенно заменять сээны-певцы, сээны-кураисты, обладавшие талантом не только поэта и исполнителя-певца, но и композитора. В их репертуаре вместо эпических поэм, айтышов и кубаиров все большее место отводится песням [9, с. 33–34; 10, с. 34; 11, с. 52]. Следует сказать и о том, что некоторые сээны в этот период создают свои произведения не только путем импровизации, но и излагая на бумаге. Интересно в этом отношении творчество сээнов Буранбая, Ишмухамета, особенно Конкаса и Багави.

Буранбай Кутдусов (1767–1868), известный в народе под псевдонимом Ялан Яркей (Степной Яркей), уроженец дер. Кинзябулат Бурзянской волости Ногайской дороги (ныне дер. Буранбай Баймакского района Башкортостана), реализовал свой талант в основном в узун кюе – долгой, протяжной песне. Появление таких песен, как «Степной Яркей», «Буранбай», «Сырдарья», «Плакучая ива», «Хажгали», «Салимакей» и другие народная память связывает с его именем. «В них ярко выражены настроения, социальная психология, мечты и чаяния народных масс. Содержание их составляют размышления над жизнью, мысли о социальном неравенстве и несправедливости, приро-

де и любви, чувства разлуки и одиночества, вызванные по различным причинам» [10, с. 35; 11, с. 53]. Вот один из куплетов песни «Степной Яркей»:

Золото ли этот наш мир?

Серебро ли этот наш мир?

Мужчине с золотыми мыслями

Медным кажется этот мир. [2, с. 107–108]

Показывая в своих песнях трудности этой «медной», убогой жизни, истинное лицо представителей имущих классов, сэсэн призывал людей не поддаваться унынию, никогда не терять надежды на то, что «золотая» жизнь когда-нибудь наступит, учит их быть мужественными и честными, с уважением относиться к друзьям и уметь ненавидеть врагов.

В те годы, когда Буранбай Кутдусов слагал свои бессмертные песни, в Башкортостане развернулась импровизаторская деятельность Ишмухамета Мурзакаева (1781–1878), уроженца дер. Новый Балапан Кубяляк-Телявской волости (ныне Абзелиловский район Башкортостана) Тамьян-Катайского кантона. Ишмухамет поддерживал тесные связи со многими сэсэнными того времени, особенно с прославленными импровизаторами Байком-Айдаром, Буранбаем и Кунебеком-Насиром. Эти сэсэнны сыграли немаловажную роль в его творческом становлении. Его импровизаторская деятельность развивалась именно в русле традиций их творчества. С одной стороны, он был хранителем и замечательным исполнителем самобытных произведений эпической лирики – поэм и кубаиров, отличающихся высоким гражданским пафосом и героическим содержанием, простой поэтической формой, афористическим и музыкальным звучанием, а с другой – сэсэнном-певцом, сэсэнном-кураистом, т. е. историком, поэтом и композитором своего времени. Сложенные им песни «Поющая долина», «Аюкэ», «Нерадивый Нуркай», «Беглец Юлтый», «Бузекей кантон» («Бузекеев») и другие, наряду с произведениями Буранбая Кутдусова, определяют высокий уровень башкирского музыкально-поэтического искусства первой половины XIX века. В них в высоко художественной форме раскрыты национальный характер башкирского народа, его взгляды и отношение к жизни, переживания и мечты. Они правдиво отражают суровую действительность тогдашнего Башкортостана. В них содержатся мотивы недовольства существующими общественными порядками, протеста против социального и национального гнета; дается реалистическая характеристика местным деспотам-феодалам, кантонным начальникам; передаются гнев и тоска людей, вынужденных не по своей воле скитаться по чужим краям; выражается сердечно-теплое отношение народа к людям «вне закона» – борцам за его счастье; утверждается идея бессмертия народа, воспеваются красота родной земли [6, с. 72; 8, с. 132; 10, с. 36]. Благодаря такому глубокому содержанию и красивым мелодиям песни сэсэнна Ишмухамета, как творения Буранбая, сохра-

нились в памяти народа. Многие из них популярны и любимы в народе и поныне [10, с. 36; 11, с. 54].

Ведя речь о башкирском фольклоре и изустной литературе первой половины XIX века, нельзя не учитывать и того, что она имела определенную связь с фольклором русского населения, переселившегося из центра России. В башкирской и русской народной поэзии и прозе было немало произведений, возникших на основе одних и тех же событий и проникнутых единым идейным смыслом. Тяжелые условия жизни народных масс, их мечты и чаяния, подвиги «добрых молодцев», совершенные во имя счастья народа и независимости родины, были их основной тематикой. Как образы Бугаса (Пугачева) и Кутуза (Кутузова) заняли достойное место в башкирском устном народном творчестве, так же русское население края создает в своем фольклоре образ доброго, гостеприимного и отважного «башкирца», с любовью упоминает имя Салавата.

Следует сказать, что в первой половине XIX века во многих уголках России, в том числе и на Урале, имела широкое распространение так называемая «потаенная» русская литература, которая впоследствии получила название «вольная». Из рабочей или служащей среды Урала вышли такие поэты-вольнолюбцы, как И. Варакин (1759–1818), И. Бахтин (1756–1818), А. Мерзляков (1778–1830) и др. К тому же декабристы и сочувствующие им люди, сосланные в Оренбургскую губернию, принесли с собой в край произведения вольной литературы. Если по форме возникновения и бытования они были близки к башкирской анонимной литературе, в основном – поэзии, то по идейному содержанию во многом были созвучны с произведениями сэсэнов, отражающими в основном бедственное положение трудового народа, его протест против социального и колониального гнета, мечты о светлом будущем.

Литература

1. Ахмедьянов К. А. Теория литературы. – Уфа: Китап, 2018. – 400 с. (на башк. яз.)
2. Башкирское народное творчество. Песни. Книга первая. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1974. – 386 с. (на башк. яз.)
3. Башкирское народное творчество. Эпос. Книга третья. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1982. – 344 с. (на башк. яз.)
4. Гаджиев А. Реализм в литературах советского Востока. – Баку: Элм, 1978. – 328 с.
5. Идельбаев М. Х. Башкирская изустная литература. – Уфа: БашГУ, 2000. – 188 с. (на башк. яз.)
6. Кунафин Г. С. Башкирская литература XIX века. – Уфа: Китап, 2010. – 408 с. (на башк. яз.)
7. Кунафин Г. С. Башкирская поэзия XIX – начала XX века. Вопросы жанровых и идейно-художественных особенностей. – Уфа: Гилем, 2011. – 480 с.
8. Кунафин Г. С., Идельбаев М. Х. Башкирская литература. Учебник для 9 класса. – Уфа: Китап, 2017. – 296 с. (на башк. яз.)

9. Кунафин Г. С. История культуры Башкортостана XIX – начала XX века. Учебник для гуманитарных факультетов вузов РБ. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. – 208 с.
10. Кунафин Г. С. Культура Башкортостана и башкирская литература XIX – начала XX века. – Уфа: Китап, 2006. – 280 с.
11. Кунафин Г. С. Культура Башкортостана XIX – начала XX века. – Уфа: Гилем, Башк. энцикл., 2018. – 304 с.
12. Кунафин Г. С. Особенности развития башкирской литературы XIX – начала XX века. – Уфа: Полиграфкомбинат РБ, 2014. – 740 с. (на башк. яз.).
13. Хусаинов Г. Б. Словарь литературоведческих терминов. – Уфа: Китап, 2006. – 248 с. (на башк. яз.).

Статья рекомендована к печати профессором кафедры башкирской литературы, фольклора и культуры Башкирского государственного университета (д. филол. н., проф. Гареева Г. Н.)

Bashkir folk and oral literature in the first half of the XIX century

G. S. Kunafin

Bashkir State University

32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Email: kbl2000@mail.ru

Many landmark moments can be highlighted in the history of the Bashkir literature. First half of the 19th century is one of the important stages due to the fact that the art of words entered the new phase: from medieval ideological, aesthetic and genre system to the new type. Based on the analysis of numerous factual it was found out that this process is particularly strong and evident in folklore and oral literature so that they still represent a powerful stream of the literary-artistic process and characterized by a sufficient variety of ideological-thematic contents, kinds and genres.

Keywords: Bashkir literature, oral literature, folklore.